

18+

АВТОРСКИЕ МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

ДЕНИС ГЛАДКОВ

Денис Гладков

Авторские

мистические истории

<https://litres.ru/74151153>

ISBN 9785007009843

Аннотация

Ужас не всегда приходит из темноты. Иногда он живёт в новостройке, ждёт в тумане у трассы или говорит знакомым голосом из соседней комнаты. В этих историях обычный мир даёт трещину, и за ней проступает то, что лучше бы не замечать. Атмосферный сборник мистических рассказов о страхе, памяти и местах, которые не отпускают.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Этаж №28	5
Деревня за поворотом	29
Призрачный Человейник	64
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Авторские мистические истории

Денис Гладков

© Денис Гладков, 2026

ISBN 978-5-0070-0984-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этаж №28

Квартиру они взяли в новостройке, и в целом не жалели. Да, студия, да, квадратов мало, но они поженились недавно, и у них не было ни привычки жить широко, ни желания изображать богатых им нужно было своё, без хозяев, без «только не сверлите после восьми» и без ощущения, что завтра тебя попросят съехать, потому что «племянник приехал».

Отделка от застройщика была стандартная: ровные стены, простая плитка, самая обычная сантехника, двери, которые закрываются с глухим пластиковым звуком. Лера прямо сказала на просмотре, что ей всё равно, какая там плитка и насколько модный ламинат, лишь бы было чисто, светло, тараканов не было и окно нормальное. Игорь молча согласился он тоже не собирался смотреть на плитку всю жизнь, он собирался смотреть в цифры.

С окном, правда, сначала не заладилось, двор ещё доделывали и вид из окна не много удручал. Внизу стояла техника, где-то валялись паллеты, часть площадки была собрана, часть выглядела так, будто её забыли на полпути. Утром шло обычное новостроечное: грохот, визг металла, звук, когда что-то тяжёлое тащат по бетону. Единственное, что радовало работы начинались после девяти, и они хотя бы успевали выспаться, пока не начнётся это бодрое «жизнь кипит».

Седьмой подъезд, двадцать первый этаж. Муравейник как

он есть: на этаже куча дверей, и все одинаковые, будто их как в игре Симс просто копировали. Нумерация уже такая, что ты не сразу понимаешь, что это номер квартиры, а не какая-то серия деталей: тысяча восемьсот с чем-то. У них — 1855. Лера даже сфоткала табличку на двери и отправила маме, как будто это было достижение, а не просто цифры на пластике.

Людей в доме было столько, что утром это ощущалось физически. Вроде лифтов три, а всё равно в какой-то момент ты стоишь у дверей, держишь в руках пакет или рюкзак, смотришь на табло и понимаешь, что ты не один, и не будешь один ещё долго. Кто-то спускается с коляской, кто-то с собакой, кто-то в наушниках и с лицом «не разговаривайте со мной вообще». В лифте всегда кто-то дышит рядом, всегда кто-то пахнет чужим порошком или кофе. Лера смеялась, что это «дом-улей»: захотел заказал, спустился, забрал, поднялся. Внизу «Озон», «Вайлдберрис», кофейня, аптека — всё рядом.

— Можно вообще не выходить в город, — сказала она как-то вечером и хихикнула. Заказывай, забирай, ешь, лечись. Вся жизнь в одном дворе.

Игорь пробурчал:

— Ну да. А потом будем удивляться, что район не видели, и гулять не ходим.

— Мы и так не ходим, — ответила Лера. — Потому что ты работаешь, а я устаю.

С этим спорить было бессмысленно.

Первый день они таскали коробки, матерились на лифты, которые приходилось ждать. Лера командовала, куда поставить кресло, где будет стоять стол, почему холодильник надо отодвинуть на пять сантиметров, потому что иначе дверь будет цепляться, а это её будет бесить каждый день. Игорь молчал и делал. Ему нравилось, что в этих вещах можно просто выполнять, не думать, не решать, не считать варианты. Лера решала за него, и это было даже приятно.

Вечером они ели доставку прямо на полу среди коробок, потому что стола ещё толком не было, и потому что усталость была такая, что всё равно.

— Слушай, — сказала Лера, ковыряя вилкой лапшу из пластикового контейнера. — Всё-таки квартира хорошая. Для двоих — вообще нормально.

— Для двоих — да, — кивнул Игорь.

Лера пожала плечами и сказала:

— Потом, когда захотим детей, придётся её разменять. Ну, точнее, продать и взять что-то побольше. Потихонечку надо будет думать об этом.

Игорь снова кивнул, хотя думал не про детей. Он уже прикидывал, сколько будет стоить новая ипотека, какой нужен будет первоначальный взнос, сколько денег уйдёт на ремонт в «побольше», и сколько нервов сожрёт новый переезд. Но это было «потом», а «потом» — штука, которая удобно лежит в будущем и не требует действий сегодня. Он не хотел

портить вечер цифрами.

Студия была устроена просто: кухня вдоль стены, большое окно, перегородка, за ней кровать и маленький диван, чтобы можно было не жить на постели, если один дома. Минус тоже был: слышно было даже то, что, по идее, не должно быть слышно. Стены тонкие, и иногда казалось, что соседи через две-три квартиры разговаривают прямо у тебя на кухне. Первые и пробуждения были от дрели, потом привыкли. Потом Игорь понял, что он слышит не только дрель — он слышит, как кто-то роняет ложку, как кто-то ругается, как у кого-то плачет ребёнок. Не всегда, но достаточно, чтобы помнить: ты живёшь не один, и даже в своей квартире ты всё равно внутри общего организма.

Через пару дней отпуск закончился. Лера ушла на работу, Игорь остался дома и начал возвращаться в свой ритм. Разложил ноутбук, поставил монитор, прикрутил удлинитель так, чтобы провод не болтался под ногами и не бесил. Он терпеть не мог, когда в квартире всё сделано «на время». Если уж сделал, делай нормально, чтобы потом не возвращаться.

Лера уходила утром, возвращалась вечером, приносила продукты, рассказывала, что внизу открыли ещё какую-то точку или что на выдаче вечно бардак. Игорь слушал вполуха. Ему было важно другое: чтобы они вечером поели вместе, перекинулись словами, и чтобы день закончился без нервов. Дом большой, жизнь вокруг шумная, а внутри хотелось хотя бы простого: «мы дома».

Странность случилось в будний день, ближе к шести. Игорь вышел вынести мусор, ничего героического. На этаже было тихо — как бывает на высоких этажах: все либо на работе, либо сидят по квартирам и не отвечивают. Свет в коридоре включался от датчиков: сделал шаг — загорелось, остановился — через минуту гаснет.

Игорь дошёл до мусоропровода, бросил пакет, повернулся и пошёл обратно. Их дверь была далеко от лифта, в самом конце коридора. Лере это нравилось: меньше людей ходит мимо, меньше топота, меньше чужих взглядов. Игорю длинный коридор не нравился. Он его угнетал, ощущением: слишком длинный, слишком одинаковый, слишком много дверей, и твоя где-то там, в конце, в тупике. Ты идёшь, и кажется, что дорога не заканчивается, потому что глазу не за что зацепиться.

Он шёл, думал о работе, не глядя по сторонам, и в какой-то момент поймал себя на мысли, что до двери должно было остаться шагов десять, он поднял глаза и понял, что — до двери их ещё пятнадцать-двадцать. И это ему не «показалось». Он ходил тут уже достаточно, чтобы понимать расстояние.

Игорь замедлился, посмотрел вперёд, в конце коридора было окно, он остановился. Окна там быть не должно. В конце должен быть последний отрезок с дверями и поворот к лестнице. Окно было настоящее: подоконник, грязный след от чьих-то ладоней, двор внизу и стройка, которая гремела

так, будто окно открыто. Он моргнул, перевёл взгляд на двери. Двери стояли как обычно, но что-то в них было не так, и он не сразу понял, что именно.

Потом дошло: он не видел номеров. Обычно номера есть, даже если криво прикручены. Здесь — ничего. Просто одинаковые двери и одинаковые ручки, как будто кто-то снял таблички или их никогда и не было.

Он посмотрел направо, налево. Номеров на дверях не было видно. Вообще, обычно номера есть, даже если криво прикручены. Чистые двери, как будто их только поставили и ещё не успели ничего прикрутить. Ручки одинаковые, глазки одинаковые. И самое мерзкое — ни одного знакомого мелкого признака, за который цепляется память: ни наклейки, ни коврика, ни потёртости на косяке.

Игорь вытащил телефон, включил фонарик, хотя вокруг и так было светло. Это было то действие, которое делает человек, когда ему не по себе: добавить себе света в руку, как будто свет может вернуть контроль.

Он прошёл пальцами по стене, по шву между плитами, по маленьким неровностям штукатурки, будто стену можно «прочитать». Ничего. Обычная стена. Обычный подъездный холодильник. Никакого подвоха на ощупь.

Ладно. Он развернулся и пошёл обратно, быстрее. Дошёл до поворота, который должен был вывести к лифту, повернул и снова окно.

То же самое, тот же подоконник, тот же двор, та же строй-

ка, та же машина, которая тащила щебень. И звук — тот же, без задержки, без эха, будто он вообще никуда не двигался.

Игорь выругался вполголоса и пошёл обратно ещё раз — уже почти бегом, хотя выглядело это по-идиотски. Взрослый мужик несётся по коридору своего этажа, как будто опаздывает на поезд. На третьем круге он остановился, упёрся ладонью в стену и заставил себя дышать ровно.

«Ладно. Я устал. Я мог перепутать поворот. Я мог выйти не туда. Я мог... да хоть что угодно.»

Он закрыл глаза на секунду, открыл. Перед ним была их дверь.

Коврик на месте. Табличка с номером на месте. Даже мелкая грязь по коридору — как всегда, потому что кто-то из соседей вечно таскает песок на обуви. Игорь стоял и смотрел на эту дверь, как на доказательство того, что он не поехал головой. Потом быстро открыл замок и зашёл внутрь, как будто дом мог передумать и снова переставить коридор.

Лере он ничего не сказал, потому что понимал, чем это закончится: сначала смех, потом «ты чего», потом «может к врачу», и дальше всё станет неприятным и тяжёлым. Он сам хотел, чтобы это осталось на уровне «показалось».

Через пару дней он всё-таки закинул удочку — между делом, как будто спрашивает про лампочку.

— Слушай, а тебе не кажется что коридор в подъезде слишком уж длинный?

Лера пожала плечами:

— Да нет, вроде бы обычный корридор. А что?

— Да так. Показалось.

Она глянула на него внимательнее, но не продолжила.

Через пару дней Игорь пошёл встречать её у метро — просто чтобы прогуляться вместе, пока ещё не поздно. На улице было сыро, ветер гонял пыль от стройки, Лера жаловалась на работу, Игорь больше слушал, чем отвечал. У подъезда они остановились не надолго, потому что в это время возле домофона всегда кто-то толпится: кто-то не может открыть, кто-то ждёт доставку, кто-то задумывается прямо в преме двери.

В подъезде они вызвали лифт. Лера уткнулась в телефон — пыталась в этой непроницаемой для интернета коробке поймать хоть что-то, листала ленту, ругалась на связь. Игорь держал пакет с продуктами.

Лифт приехал быстро. Они зашли. Нажали «21».

Лифт поехал.

Игорь, чтобы скоротать время, просто смотрел на цифры и считал: 16, 17, 18, 19, 20... и вместо 21 загорелось 28.

Он поднял глаза на панель. Кнопки «28» не было. Вообще. Дом по документам до двадцать пятого.

— Лер, — сказал он спокойно. — Ты видишь?

— Не поняла, — она подняла глаза.

Двери лифта открылись.

За ними был коридор — не их. Слишком длинный. Свет ровный, холодный, без тёплых ламп, ни табличек, ни номеров. Двери одинаковые, гладкие.

Лера сделала шаг наружу, и Игорь сразу схватил её за локоть.

— Не выходи.

Она посмотрела на него и сказала ровно то, что сказала бы любая нормальная жена:

— Ты нормальный?

— Это не наш этаж.

— Да ну? — Лера высунулась, огляделась... и замолчала.

Лера перестала улыбаться, она что увидела то же, что и он: чужой коридор, чужой свет, отсутствие любых признаков жизни.

— Непонятно, — сказала Лера.

Лифт коротко пискнул. Двери начали закрываться.

Игорь нажал «21» ещё раз, потом ткнул «заккрыть двери», как будто это могло ускорить возвращение к нормальности.

Лифт поехал.

И тут стало ещё страннее: отсчёт пошёл не от «их этажа», а как будто от той цифры, которая только что горела.

28... 27... 26...

Лера посмотрела на табло, потом на него.

— Очень странно.

— Может, тупит, — сказал Игорь.

— Ну реально, может, плохо запрограммировали. Мы могли быть на двадцать пятом, а он пишет фигну. И этаж какой-нибудь ещё не привели в порядок после стройки, там пусто, вот и всё. Сбой.

— Вполне, — сказал Игорь.

Двери открылись на двадцать первом. Их этаж, их коридор. Чья-то коляска у стены, чей-то пакет у двери, всё как обычно. В квартире Лера разулась, бросила ключи на стол и подошла к окну. Посмотрела вниз, на двор, где всё ещё что-то делали и таскали.

— Мне это не нравится, — сказала она. — Но давай не будем себя накручивать. Мало ли, дом новый, лифты новые, электрика новая, всё новое, могло глючить.

— Да, — сказал Игорь. — Ты права.

Он согласился слишком быстро. Лера это заметила, но не стала давить. Просто молча пошла мыть руки и начала разбирать продукты, потому что разбирать продукты — это то, что возвращает ощущение «нормального».

Ночью Игорь плохо спал. Потому что мозг работал, как дурной механизм: пытался найти объяснение двум случаям, которые не укладывались. Пытался подогнуть это под «усталость», «сбой», «плохо настроили», «дом ещё сырой». Уснул под утро, уже злой от собственных мыслей.

Когда проснулся, Леры уже не было. Она ушла на работу. Игорь решил сходить в кофеню за завтраком, вышел в коридор — на всякий случай осмотрелся вокруг. Всё было на месте. Номера были, коридор был их, лифт показывал этажи как должен.

Он спустился вниз, дошёл до кофейни, взял себе капучино и пару десертов — зачем два, он сам потом не понял. Про-

сто хотелось взять что-то «нормальное», чтобы день был как у обычных людей. Во дворе снова гремела стройка, снова ходили люди, снова кто-то ругался с курьером у подъезда. Муравейник жил своей жизнью. Игорь успокоился, в присутствии обычного мира легче делать вид, что ничего не было. Через день Лера написала, что задержится на работе. Игорь сел за ноутбук, решил закрыть задачу до вечера и заработался так, что потерял время.

В какой-то момент он услышал, как в замке проворачивается ключ.

— Привет, Лер, — сказал он, не поворачиваясь.

— Привет, — ответила она.

— Всё сидишь? — Лера прошла по студии, сняла куртку.

— Ты ел вообще? Ужинал?

— Нет.

— Ладно. Я в магазин забежала, сейчас распакую, начну готовить. Дорабатывай.

Она подошла, наклонилась, поцеловала его в шею.

— Давай, — сказала она. — Сейчас быстро, и хоть поедем нормально.

— Да, сейчас, — ответил Игорь и снова уткнулся в экран.

Через несколько минут он услышал, как она разбирает продукты. Шуршат пакеты. Хлопает холодильник. Льётся вода. Стучит нож о доску. Шкворчит масло на сковородке. Лера в своей стихии. Она правда готовила вкусно. Игорь улыбнулся и продолжил работать. Ещё пару минут посидел

за ноутбуком, дописал комментарий, закрыл вкладку. Потянулся, собираясь уже свернуть всё и встать.

Зазвонил телефон.

Он взял его автоматически, не глядя.

— Алло.

— Привет, любимый, — сказала Лера. На фоне проехала машина, кто-то хлопнул дверью. — Слушай, я тут в магазине задержалась. Пакеты тяжёлые. Ты не мог бы спуститься встретить меня?

Пауза.

— Да, конечно, — сказал Игорь.

Холодно.

Он обернулся, кухня была пустая, стол чистый, плита холодная, раковина сухая, ни пакетов, ни еды, ни каких следов. Он встал, прошёл пару шагов, посмотрел на стол, на плиту, открыл мусорку. Пусто.

Телефон всё ещё был в руке.

— Игорь? — сказала Лера. — Ты там?

— Ты сейчас где? — спросил он.

— У магазина. Я же сказала.

Он посмотрел на входную дверь, замок закрыт, кроссовки стоят, как утром.

— Ты домой заходила? — спросил он.

— Нет. А что?

Пауза.

— Подожди меня, — сказал Игорь. — Я сейчас спущусь.

Он сбросил вызов, постоял секунду, повернулся. Ещё раз прошёлся по квартире — медленно, без суеты, как будто проверял чужое место. Ничего.

Он надел куртку, взял ключи и вышел. Внизу было шумно и обычно. Свет, люди, тележки. Лера стояла у входа в магазин с пакетами, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты долго, — сказала она. — Я уже замёрзла.

— Давай, — сказал Игорь и забрал пакеты.

Они пошли к подъезду.

— Ты странный какой-то, — сказала Лера. — Что случилось?

— Ты была дома, — сказал он.

Она остановилась.

— Нет.

— Я слышал.

— Что ты слышал?

— Как ты готовила.

Лера выдохнула, медленно.

— Игорь. Я была в магазине.

— Я слышал пакеты. Воду. Плиту.

— Ты уснул за ноутбуком.

— Нет.

Они дошли до подъезда молча.

В лифте Лера сказала:

— Если это шутка — она дурацкая.

— Это не шутка.

Лифт поехал. Цифры шли ровно. В квартире Лера сразу прошла на кухню, остановилась, осмотрелась.

— Здесь пусто, — сказала она.

— Я знаю, но я говорю тебе, что я слышал тебя.

Она постояла, потом начала разбирать продукты, не торопясь, осторожно. Как будто проверяла, не исчезнут ли они тоже.

Ночью Игорь просыпался несколько раз, слушал дыхание рядом, проверял рукой.

Последующие дни всё было нормально.

Но однажды Лера спросила:

— У нас этаж двадцать первый?

— Да, а почему ты спрашиваешь?

— Я видела двадцать восьмой!

Он не ответил.

Вечером они вместе вышли вынести мусор, дошли до мусоропровода, развернулись.

В конце коридора было окно.

Лера остановилась первой.

— Игорь... — сказала она тихо. — У нас тут окна не было.

Они постояли.

— Пойдём обратно, — сказал он.

Они развернулись.

Двери их квартиры не было.

Коридор уходил дальше, чем должен.

— Игорь, — сказала Лера. — Где наша дверь?

Он молчал.

Они стояли посреди коридора и смотрели туда, где должна была быть их дверь.

Лера сделала шаг вперёд.

— Погоди, — сказал Игорь.

— Не поняла. Дверь же вот здесь была.

Она прошла ещё несколько шагов. Коридор не менялся. Двери были. Одинаковые. Но без номеров.

— Стоп, — сказала Лера. — Мы же были на нашем этаже.

— Да, — ответил Игорь уже жёстче. — Мы вышли из квартиры и все.

— Тогда где таблички?

Он прошёл вдоль стены, провёл пальцами по дверям. Никаких следов снятых номеров, ни дырок, ни клея, ничего.

— Может, это не наш этаж? — сказала Лера.

— Только вот, мы ни куда не уходили с этажа, мы просто дошли до мусоропровода и выкинули мусор и все.

— Ты уверен?

— Ты издеваешься надо мной?

Она нервно усмехнулась.

— Ну и что нам это даёт?

— Пока ничего. Значит, идем к лифту.

— Быстро, — сказала она.

— А если его там нет?

— Тогда на лестницу. Но сначала лифт.

Она резко развернулась и пошла в сторону лифта. Игорь

догнал её через пару шагов.

Коридор не сокращался. Лифта не было видно.

— Мы же только что проходили мимо лифта, — сказала Лера. — Это не может так работать.

— Работать как?

— Вот так!

— Лер, спокойно. Мы не в лесу. Это дом. Значит, есть либо лифт, либо лестница.

— Мы заблудились в своём этаже?

— Если и заблудились, то максимум на пару дверей.

Она резко остановилась.

— Тут дверей больше стало.

Игорь огляделся. Ему тоже показалось, что их стало больше. Но он не стал это произносить.

— Ладно. Телефон.

— Я сейчас кому-нибудь позвоню.

Игорь открыл общий домовый чат, быстро пролистал список жильцов.

— Вот, — сказал он. 1856 квартира.

Он нажал вызов.

Гудки. Долго. Никто не ответил. Он нажал следующий номер. Снова гудки.

Тишина.

— Отлично, — сказала Лера. — Просто отлично.

Свет в коридоре коротко моргнул.

— Всё, к лестнице, — сказал Игорь. — Если лифт исчез,

значит, идём пешком.

— Исчез? — она посмотрела на него. — Ты сейчас это серьёзно сказал?

— Я сказал «если». Пошли.

Они свернули туда, где должна была быть дверь на лестничный пролёт.

Дверь была. Игорь резко дёрнул её на себя. Открылась.

Они выскочили на площадку — и остановились.

На стене висела табличка: 28 этаж.

Они молча посмотрели на неё.

— У нас двадцать пять этажей, — сказала Лера медленно.

— Я знаю.

— Тогда откуда двадцать восемь?

Игорь подошёл ближе к табличке. Провёл пальцем по цифре. Металл. Обычная табличка.

— Может, это технические этажи? — сказал он.

— Технические этажи не нумеруют как жилые.

Он выдохнул.

— Хорошо. Наша квартира ниже. Нам вниз.

— Ты уверен?

— Уверен в том, что выше нам точно не надо.

Они начали спускаться.

Следующий пролёт — 27.

— Так, — сказала Лера. — Ладно.

Ещё пролёт — 26.

— Ну вот, — она кивнула быстрее, чем нужно. — Спус-

каемся же.

Ещё пролёт — 25.

Они остановились.

Лера выдохнула.

— Всё. Вот он, последний этаж. Значит, ниже пойдёт двадцать четвёртый, двадцать третий и так далее. Всё нормально.

— Не торопись радоваться, — сказал Игорь.

Они сделали ещё шаг вниз. Свет моргнул. Резко. На секунду стало темнее.

Лера обернулась и замерла. Там, откуда они только что спустились, не было таблички «26». Не было пролёта вниз. Была короткая площадка и дверь с табличкой:

Выход на крышу.

Лера медленно повернулась к Игорю.

— Мы же только что шли сверху.

— Да.

— И сейчас там должна быть двадцать шестой этаж.

— По логике, да!

— Тогда что это?

Он посмотрел на лестницу вниз. Она была обычная и вела дальше вниз.

Он снова перевёл взгляд на дверь с надписью «Выход на чердак».

— Это чертовщина какая-то.

— Похоже на то.

Она посмотрела на него раздражённо.

— Ты можешь перестать отвечать так, будто это банальная проблема?

Он резко выдохнул.

— А как мне отвечать? Паниковать? Орать? Это поможет?

— Хоть что-то делай!

Он подошёл к двери «Выход на крышу».

— Хорошо. Делать так делать.

И дёрнул ручку. Дверь открылась резко, с металлическим скрипом.

Игорь шагнул вперёд первым. Под ногами оказался шершавый бетон. В лицо ударил холодный ветер.

Да это была крыша. Плоская, широкая, с вентиляционными шахтами и металлическими коробами. По краям — низкий бетонный парапет.

— Лера, осторожно, — сказал он, оборачиваясь.

В этот момент порыв ветра рванул дверь.

Она захлопнулась за его спиной с глухим ударом.

— Лер?

Он сразу же развернулся и дёрнул ручку.

Закрывается.

— Эй, — он постучал кулаком. — Хватит.

Ответа не было.

Он наклонился к двери, прислушался.

Тишина.

— Лера!

Он снова дёрнул ручку. Сильнее.

Ничего.

Он отступил на шаг.

Может, она не вышла. Может, осталась на лестнице. Может, решила, что это уже перебор.

— Лера, открой!

Он ударил по металлу ладонью.

Ветер снова ударил в спину.

Игорь оглянулся.

Крыша была обычной. Плоский прямоугольник, разбитый на секции бетонными перегородками. Несколько выходов вентиляции. Никаких скатов. Никаких укрытий.

— Лера, — крикнул он громче. — Не смешно уже!

Он пошёл вперёд, обходя вентиляционные шахты, заглядывая за бетонные выступы.

Никого.

— Лер!

Он прошёл к краю крыши, заглянул вниз.

Двор был внизу. Машины. Детская площадка. Окна.

Всё выглядело нормальным.

Он развернулся и пошёл в другую сторону, туда, где мог быть переход на соседний подъезд.

— Лера, если ты там, выйди.

Ветер усиливался. Куртку тянуло назад.

Он прошёл почти половину крыши, когда заметил движе-

ние у дальнего края.

Сначала показалось — просто тень.

Потом он остановился. На парапете стояла знакомая фигура.

Она шла по самому краю, босиком, аккуратно ставя ноги вдоль бетонной кромки.

— Лера, — выдохнул он.

Она не оборачивалась.

Волосы срывало ветром назад.

— Слезь оттуда, — сказал он, двигаясь к ней. — Лера, хватит.

Она продолжала идти.

Шаг.

Ещё шаг.

Он ускорился.

— Лера, стой!

Она остановилась.

Сделала ещё один шаг вперёд.

Нога скользнула по бетонной кромке.

И она качнулась.

Игорь замер.

В груди что-то резко сжалось, будто воздух из неё вырвали одним рывком. Звук ветра пропал. Мир стал глухим.

— Лера...

Он сделал шаг вперёд, но ноги будто не слушались.

Перед глазами всё поплыло. Крыша качнулась вместе с

ней. Сердце ударило.

Она покачнулась ещё раз.

Игорь почувствовал, как по спине прошёл холод.

В висках зашумело.

Он попытался крикнуть — не получилось. Колени подкосились.

Мир резко потемнел, будто кто-то убрал свет.

Игорь пошатнулся, сделал ещё один неловкий шаг и рухнул на бетон.

Сознание оборвалось.

— Молодой человек... Игорь... Игорь Александрович, вы меня слышите?

Голос пробивался сквозь темноту.

— Откройте глаза.

Он резко вдохнул, будто вынырнул из воды.

Свет ударил в глаза.

Над ним склонились лица в масках. Белые халаты. Перчатки.

— Отлично. Контакт есть.

Он лежал на полу своей квартиры.

— Где она?.. — выдохнул он.

— Кто? — спокойно спросил врач.

Игорь повернул голову.

В дверях стоял сосед с его этажа. Переминался с ноги на ногу.

— Я увидел, что дверь открыта, — сказал он. — Позвал

вас, никто не ответил. Зашёл проверить и увидел, что вы лежите на полу. Сразу вызвал скорую.

Игорь проследил за его взглядом.

На полу рядом с диваном лежала пустая бутылка алкоголя. Раскрытый блистер снотворного. Таблетки рассыпаны.

— Вы приняли слишком много, — сказал врач. — Хорошо, что вас нашли вовремя.

Игорь медленно сел, опираясь на стену.

Комната давила.

Тот же стол. Тот же ноутбук.

Он посмотрел на рабочий стол.

Фотография в рамке.

Лера улыбалась. Волосы растрёпаны ветром. Глаза щурятся от солнца.

В углу рамки — чёрная ленточка.

Под фото дата: 28 августа.

28 августа.

Первый день после заселения.

Та же крыша. Горячий бетон под ногами. Пакеты с едой у вентиляционной шахты. Пластиковые стаканы. Вино. Закат.

Они смеялись.

Лера говорила, что это лучший вечер в её жизни. Что наконец-то своё. Что теперь всё будет по-другому.

Ветер был чуть сильнее, чем хотелось.

Ей захотелось красивой фотографии.

Она запрыгнула на парапет.

— Не лезь туда, — сказал он. — Не надо.

Она махнула рукой.

— Да ладно тебе. Я аккуратно. Сфотографируй меня на фоне заката.

И встала.

Сначала просто балансировала. Смеялась. Руки в стороны.

Она стояла в двух шагах.

— Лера, хватит.

Она повернулась к нему, всё ещё улыбаясь.

— Я держу равновесие, видишь? Всё нормально.

Порыв ветра ударил внезапно. Он видел, как её плечи дёрнулись. Как нога соскользнула по кромке. Как улыбка исчезла и удивление мимолетно отобразилось на её лице.

Он успел сделать шаг.

Но не успел дотянуться.

— Вам нужно ехать в больницу, — сказал врач. — Наблюдение обязательно.

Игорь смотрел на дату под фотографией.

28 августа.

Он закрыл глаза.

Ветер всё ещё звучал у него в ушах.

Деревня за поворотом

Я люблю дорогу. Мне нравится само ощущение движения, когда ты сидишь за рулём, двигатель ровно гудит, и километры медленно наматываются на счётчик. Это редкое состояние, когда ты вроде бы занят, следишь за полосой, за зеркалами, за знаками, но при этом голова освобождается. Мысли не давят, не требуют решений. Они идут фоном.

У отца, в посёлке Сява, это в Нижегородской области, есть квартира. Несколько раз в год я выбираюсь туда из Уфы. Это почти ритуал. Места там заповедные, река с подвешенным мостиком буквально в ста метрах от дома. Переходишь мостик, а дальше маленький пляж, поляна и лес, нет не так, ЛЕС. Заходя в него сразу темнее становится, что ли, настолько он плотный и красивый. Когда устаешь от города, совсем не лень проехать около тысячи километров ради трех четырех дней. Но возможность выйти и по кричать на Лес того стоит, и не нужны тебе ни психологи, ни алкоголь, что бы свою голову в порядок привести. Собираешься без спешки, проверяешь масло, давление в колёсах, кидаешь в багажник инструменты, теплую одежду и запас еды и питья, если вдруг понадобится что-то подлатать и перекусить, и едешь.

Путь занимает почти весь день, если не гнать. Я не люблю гнать. Трасса там не та, где стоит проверять судьбу, особенно после Казани. После определённого километра города

заканчиваются. Сначала идут райцентры — с одинаковыми магазинами, шиномонтажками и рынками у дороги. Потом деревни. Сначала живые. Потом полуживые. Потом те, что уже давно перестали жить.

В живых деревнях видно жизнь, дым из трубы, бельё на верёвке, собака у ворот. В полуживых, два-три ухоженных дома на фоне десятка пустых. В заброшенных, только покосившиеся заборы и чёрные окна, в которых уже даже не отражается ни чего, кроме грусти.

Но эта часть дороги всегда немного привлекала. Скорее всего из за моей любви различным ужасикам и к игре сталкер, слишком уже похожи места. Пространства много, людей мало. Но если вдруг машина ломается помощи ждать можно долго. Связь местами пропадает. Заправки редкие. Но именно это мне и нравится — ощущение отдалённости от привычного шума.

В тот день всё начиналось обычно. Я выехал днём. Небо было светлым, ни какого намёка на шторм. Дорога сухая, движение ровное. Я держал скорость, не спешил, не лез лишний раз на обгон.

Чем дальше от города, тем спокойнее становилось внутри. Монотонность трассы действует почти гипнотически. Ровный гул двигателя, лёгкая вибрация руля, полосы разметки, уходящие под капот. Из колонок любимая книга.

Ближе к вечеру небо потяжелело. Облака сгустились, воздух стал плотнее. Я отметил это машинально, но значения

не придал. Лето часто так делает, весь день спокойно, а под вечер срывается.

Ливень начался внезапно. Без предупреждения. Не морось, не постепенное усиление, просто в одну секунду стекло залило сплошной стеной воды. Дворники на максимуме едва справлялись. Видимость упала до нескольких десятков метров. Фары встречных машин расплывались, как будто кто-то размазал их по мокрому стеклу.

Я сбросил скорость. Дистанцию увеличил. Резких движений не делал. В такую погоду главное, не паниковать. Машина шла, колёса держали дорогу.

Ливень длился минут двадцать, может, тридцать. Время в таких условиях воспринимается иначе. Когда поток воды начал ослабевать, я даже почувствовал облегчение.

Но легче не стало.

Температура ощутимо просела. Окна начали слегка запотевать изнутри. А потом трассу затянуло туманом, что в принципе не удивительно, во круг уже начинались леса, реки и болота. Но туман был не тот, который красиво стелется по полю, а плотный, низкий, вязкий. Он висел прямо на уровне фар. Свет упирался в серую массу и возвращался обратно. Пространство сократилось. Горизонта больше не было.

Я ещё раз снизил скорость.

В таких условиях самый разумный вариант держаться за кого-то впереди. Чуть дальше, сквозь туман, я заметил красные габариты большегруза. Большая, тяжёлая машина шла

уверенно. Я аккуратно занял позицию позади неё, оставив нормальную дистанцию, чтобы видеть её огни и не влететь при резком торможении.

Камаз двигалась ровно. Ни резких перестроений, ни странных манёвров. Это успокаивало. В тумане чужие габариты становятся ориентиром.

Я ехал за ней, держал дистанцию и позволил себе немного расслабиться. Дорогу эту я знал. Знал, где примерно должны быть повороты, где съезды, где заправка. Навигатор я не включал, дорогу за десяток лет выучил полностью.

Первым изменился звук под колёсами.

Не резко. Просто я почувствовал, что асфальт стал другим. Менее ровным. Чуть более глухим. Я отметил это краем сознания и сразу нашёл объяснение ремонт, временный участок, ничего необычного.

Разметка стала менее заметной. Потом пропала вовсе.

Я всё ещё держался за фуру.

По бокам начали мелькать не отбойники, а тёмные силуэты. Заборы? Столбы? Дома?

Осознание пришло не сразу. Я уже какое-то время ехал по чему-то, что точно не напоминало федеральную трассу.

Фура впереди продолжала двигаться без колебаний. Я проехал ещё немного, прежде чем до меня дошло: мы съехали.

Не на съезд с указателем. Не на нормальный поворот. Просто съехали.

Я моргнул, прищурился, пытаюсь пробить туман взглядом. По бокам уже явно были дома. Низкие заборы. Калитки. Где-то виднелась крыша.

Я всё это время двигался по деревне.

И даже не заметил, где именно произошёл этот поворот.

Фура впереди слегка замедлилась, потом повернула влево и исчезла между домами. Её габариты растворились в тумане.

Я остался один посреди незнакомой улицы.

Туман всё ещё висел, делая пространство плоским и коротким. Дорога под колёсами была не асфальтированной — скорее укатанный грунт, местами разбитый.

Я медленно прокатился вперёд ещё метров двадцать и окончательно понял: это точно не трасса.

Я въехал в деревню.

Я ещё какое-то время сидел за рулём, глядя в туман, пока двигатель работал ровно, а ощущение было таким, будто я встал посреди чего-то чужого и не совсем понятного. Улица тянулась вперёд, но видимость не превышала нескольких десятков метров: по обе стороны стояли низкие заборы и такие же невысокие дома, и ни одного указателя или дорожного знака в поле зрения не было.

Я заглушил двигатель, и тишина накрыла сразу, не абсолютная, где-то скрипнула ветка, что-то капнуло с крыши, но слишком плотная для жилой деревни. В машине стало быстро прохладно, будто тепло держалось только за счёт работа-

ющего мотора.

Я достал телефон и включил навигатор; карта загрузилась не сразу, точка местоположения мигала так, словно не могла определиться, где именно я нахожусь, название деревни появилось, но мне оно ничего не сказало, а маршрут до Сявы строился странно, через какие-то просёлки, которых я никогда не видел.

Разворачиваться в таком тумане по такой дороге не хотелось, поэтому я решил выйти и осмотреться.

Воздух оказался свежим, влажным и холодным, туман стоял плотный, медленно стелился по улице. И именно тогда я заметил свет, одно окно дальше по улице светилось тёплым жёлтым, не ярко, но достаточно, чтобы выделяться на фоне серости.

Я снова сел за руль, завелся и перегнал машину к забору, что бы она по среди дороги не мешалась, снова заглушил и пошёл к дому. Калитка открылась без скрипа, двор, насколько я смог разглядеть, выглядел ухоженным трава подстрижена, дорожка притоптана, на крыльце стояло обычное металлическое ведро.

Я постучал. Через несколько секунд за дверью послышались шаги, замок щёлкнул, дверь открылась.

На пороге стояла женщина лет за шестьдесят, волосы убраны в пучок, лицо спокойное.

— Чего надо?

— Здравствуйте, заблудился я, за большегрузом ехал, по-

ворот не заметил. Туман такой, что трассы не видно. Можно до утра переждать?

Она посмотрела на меня внимательнее.

— За камазом, говоришь?

— Ну да, её хоть видно было.

— В туман за большой машиной удобно. Только они часто не по твоему маршруту едут.

— Я думал, она по трассе двигаться будет, а оно вон как получилось.

Пауза.

— Далеко собрался?

— Не знаю как далеко, от сюда, но в поселок Сява, не далеко от города Шахунья.

— Знаю такое место, там поворот легко проспать, если в сумерках.

— Я вроде не спал.

— Я не про сон.

Она отступила в сторону.

— Заходи, только ноги вытри.

Внутри было тепло, по домашнему уютно; пахло печкой и чем-то варёным, на кухне горел свет, стол был накрыт просто — картошка, хлеб, огурцы.

Я снял куртку и повесил на крючок.

— Часто туда ездешь? — спросила она, ставя суп.

— Пару раз в год, дорогу знаю.

— Все так говорят, пока не свернут не туда.

— Я просто отвлѣксѧ.

— В тумане отвлекаться нельзя. Там даже знакомое место чужим становится.

Она села напротив.

— У нас тут раньше автобус ходил. Водитель новый приехал, уверенный был. Говорил, по карте всё видно. Один раз вечером не туда ушёл, потом объяснял, что улица будто дальше стала, чем должна.

— Нашёлсѧ?

— Да, через день вернулся. Сам смеялся, говорил, что круги наматывал, а думал прямо едет.

Она пожала плечами.

— Ночью расстояния меняются.

Я усмехнулся.

— Это как?

— По-другому всё воспринимается.

Она налила чай.

— Машина-то нормально работает?

— Да.

— Тут сырость. Иногда машины с утра не сразу заводятся.

— Да заведу я.

— Ну так, заводят все, вопрос с какого раза.

Она сказала это спокойно, без улыбки.

— Сын у меня тоже по темноте любил ездить. Говорил, пусто, спокойно.

— И что?

— Разок приехал бледный. Сказал, что за кем-то ехал, а потом понял, что дороги той не помнит.

— Фура?

— Не знаю. Габариты какие-то впереди были.

Она посмотрела на меня.

— Ты если утром поедешь ты это, не спеши. Тут если то-ропиться, легко второй не туда раз свернуть.

Пауза.

— И если вдруг покажется, что уже проезжал этот дом, не пугайся. В тумане всё одинаковое.

— Спасибо. Обнадёжили.

— Я не пугаю. Просто говорю, не суетись.

Она поднялась.

— Спать будешь в комнате. Дверь можешь не запирать, тут некому ходить.

— А если всё-таки ходит?

Она посмотрела спокойно.

— Ну тогда тем более не запирай, улыбнулась и вышла.

Комната была маленькая. Старый диван, но чистый. Простыня свежая. Одеяло тяжёлое.

Я лёг, сначала было тепло и тихо, и я даже подумал, что накрутил себя из-за тумана, но через какое-то время стало холодно, не резко, а постепенно, одеяло было больши и тяжёлым, а тепло будто уходило сквозь него. Я перевернулся, поправил подушку.

Сон приходил обрывками; снилось, что я снова еду за фу-

рой, она впереди, габариты горят, я моргаю и огни оказываются ближе, чем должны быть, потом дальше, потом исчезают.

Я проснулся от ощущения, что в доме кто-то ходит, не шаркает и не скрипит, а идут ровные шаги по коридору. Я замер, прислушался, наступила тишина, потом снова будто кто-то прошёл мимо двери и остановился.

Я не стал вставать. Решил, что это хозяйка, ну или печка или доски. Старые дома всегда издают разные звуки.

Холод усилился. Я подтянул одеяло выше.

Последнее, что помню, ощущение, будто воздух в комнате стал плотнее.

Проснулся я резко, без причины, просто открыл глаза и сразу понял, что что-то не так. Свет был серый и тусклый и я сел.

Простыня подо мной оказалась выцветшей, серой; одеяло тонким, в комках, пахнущим сыростью. Комната выглядела иначе.

Я провёл рукой по дивану, пыль, не лёгкий налёт, а толстый слой пыли; в углу комнаты висела паутина, стена у изголовья потемнела, местами облупилась штукатурка.

Я медленно встал, дверь в коридор была приоткрыта, и я вышел.

В доме стоял настоящий холод заброшенного деревянного дома; воздух сырой и тяжёлый, на кухне не горел свет, стол пустой, никакой скатерти и посуды, печь холодная, покрытая

ржавчиной, на подоконнике лежал слой пыли.

Никаких следов вчерашнего ужина. Никаких следов жизни.

Дом выглядел так, будто в нём не жили годами.

Я стоял посреди кухни, пытаюсь понять, где нахожусь, и тишина давила.

Я подошёл к входной двери и открыл её. Снаружи стоял тот же туман, но двор был другим — трава выросла выше, забор перекосялся, ведро на крыльце проржавело и лежало на боку.

Я обернулся назад.

Дом за моей спиной был разрушенным, брошенным и пустым.

И в этот момент до меня окончательно дошло, что вчерашнего вечера не должно было быть.

Мне стало очень не по себе.

Я стоял на крыльце и смотрел в туман, пытаюсь собрать мысли в кучу, потому что ладно, дом брошен, ладно я каким-то образом переночевал в развалине и не заметил этого, и это уже само по себе звучит как бред, но мозг упрямо ищет объяснение, но терпит неудачу за неудачей. Может, устал, может, отключился на минуту, может, вообще что-то перепутал, рациональность держится дольше страха, даже когда картина начинает трещать.

Я спустился с крыльца и пошёл к машине, которая стояла там же, где я её оставил: кузов мокрый, стекло запотевшее,

будто реально ночь простояла. Сел, повернул ключ, стартер бодро прокрутил двигатель, тот хряснул, крякнул, попытался схватить и затих.

— Ну давай, — пробормотал я, чувствуя, как начинает раздражать, — только не сейчас.

Повернул ключ снова, та же херня.

Я выдохнул и усмехнулся.

— Отлично. Просто отлично.

Влажность, ночь, перепад температуры, ничего сверхъестественного, такое бывает, бывает же, чёрт возьми, и я это знаю. Я вышел из машины и захлопнул дверь чуть резче, чем хотел, потому что злость начала подниматься быстрее логики.

Ладно, пойду пешком, тут же не тайга, да и не далеко вроде до трассы.

Я пошёл по улице в ту сторону, откуда, как мне казалось, приехал, и почти сразу понял, что дома слишком одинаковые, заборы слишком одинаковые, всё какое-то слишком одинаковое, будто кто-то копировал один и тот же кусок декорации.

Я в какой то момент начал запоминать детали: вот этот дом с красной крышей, краска облупилась, но цвет заметный, перед домом лавка, на спинке трещина; отлично, ориентир, пройду дальше и проверю.

Я прошёл мимо, шёл дальше, считал шаги, прикидывал расстояние, а минут через десять снова увидел дом с крас-

ной крышей и сначала не поверил, потому что решил, что просто ещё один похожий, но когда заметил ту же лавку и ту же трещину, остановился.

— Да ладно...

Я обернулся назад, но туман сгладил всё к чёртовой матери, и дома за спиной выглядели так же, как впереди, словно улица просто размножилась.

— Я что, свернул где-то?

Я пошёл дальше уже медленнее, специально не ускоряясь, стараясь держать голову холодной, но через пару минут снова увидел красную крышу, и теперь уже без вариантов стало ясно, что это не совпадение.

— Это чё за приколы?..

В груди неприятно кольнуло, и я попытался выдохнуть ровно.

Ладно, может, улица кольцом идёт, может, я просто не заметил в тумане поворот, может, я идиот и всё пропустил — да что угодно, лишь бы не это.

Я сделал глубокий вдох.

— Спокойно. Просто спокойно.

И пошёл дальше.

Через несколько метров заметил на дороге детскую машинку — маленькую, пластиковую, без одного колеса — и даже усмехнулся.

— Ну конечно, атмосферу добавить не забыли.

Я поднял её, покрутил в руке, почувствовал, какая она

лёгкая и старая, поставил обратно на то же место и пошёл дальше, стараясь не придавать значения.

Минут через пять я снова увидел эту машинку, но теперь она стояла ровно, не лежала на боку, как я её оставил, а будто кто-то аккуратно поставил её на все три колеса.

Я остановился, и сердце стукнуло чуть сильнее.

— Нет. Нет-нет-нет.

Я подошёл ближе, присел, рассмотрел — та же трещина, то же отсутствующее колесо, всё то же самое.

Я медленно огляделся: никого, туман тихий, ветер не шевелится.

— Это уже не смешно, — сказал я вслух, и голос прозвучал слишком глухо.

Я почувствовал, как внутри начинает расти не паника, а раздражение, то самое ощущение, если бы реальность вела себя не так, как должна, и ты не можешь понять, где именно ошибка.

— Я что, хожу по кругу? Да не может быть.

Я ускорился, почти не замечая, как шаг становится шире.

В одном из домов впереди вдруг загорелся свет, и я реально почувствовал облегчение.

— Вот! Наконец-то.

В окне мелькнула тень, чётко, кто-то прошёл, и это выглядело слишком правдоподобным, чтобы быть игрой света.

Я почти побежал, второе окно тоже светилось, занавеска слегка колыхнулась, и всё во мне ухватилось за эту картину

как за спасение: живые люди, нормальное объяснение, сейчас кто-нибудь выйдет и скажет, что я просто свернул на параллельную улицу.

Я поднялся на крыльцо и дёрнул дверь, она открылась сразу.

И внутри была темнота.

Запах сырости ударил в нос, пол провалился у порога, доски сгнили, стены облезли, и свет, который я только что видел, просто исчез.

Я застыл.

— Да вы издеваетесь...

Я обернулся к окнам, и они были чёрные, без света, без движения, без всего.

— Чё за херня...

И в этот момент за спиной послышался звук, короткий, чёткий, как шаг по гравию, от которого по спине пробежал холод.

Я резко обернулся, но улица была пустой, туман плотный, никого.

— Всё. Всё, хватит.

Я спустился с крыльца быстрее, чем хотел выглядеть, и пошёл обратно, не бежал, но шаг стал шире, дыхание глубже.

Минут через несколько впереди показалась моя машина, и я остановился, потому что был уверен, что шёл в другую сторону.

— Нет... снова...

Улица не раздваивалась, перекрёстков не было, поворотов не было, и я это точно помнил.

Я медленно подошёл к машине, провёл рукой по капоту, чувствуя влагу и грязь, оглянулся и увидел ту же улицу и услышал ту же тишину, которая уже не казалась просто отсутствием звука, а выглядела как что-то плотное и давящее.

И вот тут впервые мысль прозвучала не как предположение, а как факт: я не могу выйти отсюда.

И это уже было не смешно.

Внутри что-то холодно опустилось это было осознание, что объяснения заканчиваются, и начинается что-то, чему я пока не могу дать название.

Я стоял у машины и пытался дышать ровно, потому что если сейчас дать мозгу сорваться, он начнёт рисовать такое, от чего обратно уже не соберёшься.

Я сел внутрь, закрыл дверь и замер, глядя через лобовое стекло в туман, который казался плотнее, чем несколько минут назад. В голове всплыли бабушка, тёплый свет кухни и её голос; если дом оказался развалиной, значит, её не было, а если её не было, с кем я разговаривал?

Я провёл ладонью по лицу и вспомнил обрывки её слов про поворот, про то, что в тумане легко второй раз свернуть и даже не заметить этого, и про то, что не стоит спешить. Тогда я отнёсся к этому как к обычной осторожности, сейчас же мысль зацепилась и не отпускала.

Я вышел из машины и пошёл медленно, почти специально

замедляя шаг, потому что в голове крутилось её «не спеши». Дом с красной крышей стоял впереди; я прошёл мимо, считая шаги и стараясь держать темп ровным. Через какое-то время обернулся крыша была далеко, почти на границе видимости. Я ускорился и почти сразу снова оказался перед ней.

Не было ощущения скачка или поворота, просто в какой-то момент дом снова стоял впереди, будто улица тихо сложилась сама в себя.

— Чё за пиздец...

Я остановился, пытаюсь понять, где именно пространство схлопнулось, но логика не находила точки разрыва. Я снова пошёл медленно улица тянулась, расстояние будто растягивалось; стоило ускориться, и через несколько шагов я опять оказывался перед красной крышей.

Я выругался уже без злости, просто фиксируя факт, и продолжил идти, стараясь держать шаг ровным. В какой-то момент появилось ощущение, будто кто-то идёт за спиной на расстоянии пары шагов не звук, не шорох, а именно присутствие. Я замедлился; ощущение не исчезло. Я резко обернулся.

Пусто.

Туман. Никого.

Я развернулся обратно — и увидел машину, стоявшую прямо передо мной, хотя был уверен, что ушёл дальше. Я подошёл к ней медленно; на стекле изнутри по запотевшей

поверхности было выведено «ЖДИ». Я этого не писал, я бы помнил.

Я обошёл машину по кругу, пытаюсь найти хоть что-то следы, грязь, царапину, и когда проходил мимо водительского стекла, краем глаза заметил движение. Сначала решил, что показалось, но сделал шаг назад и посмотрел внимательно.

В стекле отражалась улица за моей спиной, однако тумана в отражении не было, и там в глубине по дороге шли люди. Медленно, спокойно, по своим делам: кто-то вдоль забора, кто-то у калитки.

Я резко обернулся.

Улица была пустой, плотный серый туман и ни одного силуэта.

Я снова посмотрел в стекло. В отражении движение продолжалось.

И тогда по дороге прошла старушка с авоськой, сторбленная, медленная, с той самой знакомой походкой. Она шла мимо машины, не глядя по сторонам, будто возвращалась из магазина. Когда поравнялась с машиной, она остановилась и медленно повернула голову в сторону стекла.

В мою сторону.

Я не видел её глаз отчётливо, стекло давало лёгкое искажение, — но было ясно, что она смотрит. Несколько секунд она стояла неподвижно, затем отвернулась и пошла дальше.

Я резко обернулся.

Улица за спиной оставалась пустой.

Я снова посмотрел в стекло — отражение показывало только меня и туман.

Никаких людей.

Никакой старушки.

Я уже почти смирился с тем, что улица гоняет меня по кругу, когда между двумя покосившимися заборами заметил узкую протоптанную тропинку. Раньше её здесь точно не было, я бы запомнил, потому что бродил по этой улице уже не первый раз и успел изучить каждый забор, каждую калитку. А теперь трава была примята, земля утоптана, будто по ней ходили часто и не так давно.

Туман вокруг неё стелился иначе, оставляя проход чище, чем всё остальное пространство.

Я стоял и смотрел на эту полоску земли, пытаюсь понять, очередной ли это фокус или наконец появился хоть какой-то сдвиг. Возвращаться назад было бессмысленно, стоять тем более, поэтому я шагнул вперёд. Тропинка оказалась узкой: плечи почти касались досок забора, где-то гнилых, где-то ещё крепких. Под ногами тихо чавкала влажная земля. Я замедлил шаг, прислушался к собственному дыханию и пробормотал:

— Ну просто отлично...

Впереди начал вырисовываться свет. Обычный, тёплый, домашний. И вместе со светом пришли звуки: хлопнула дверь, кто-то громко что-то сказал, хотя слов я пока не раз-

бирал. Я невольно ускорился.

Тропинка выводила меня к небольшой площади, и чем ближе я подходил, тем отчётливее слышал обрывки фраз:

— Коля, перекрой воду!

— Да погоди ты!

— Он уже не приедет!

Я замер.

Это был не шёпот, не голоса в голове, а обычная живая речь.

Я сделал шаг вперёд, свет впереди чуть потускнел. Ещё шаг голоса стали глуше. Когда я почти дошёл до конца тропинки, всё впереди внезапно погасло: свет исчез, разговоры оборвались, окна стали чёрными. Передо мной лежала сырая площадь потрескавшийся асфальт, обрубок памятника без головы, туман по краям. Никакой жизни.

Я медленно выдохнул.

— Да вы издеваетесь...

В одном из окон справа что-то мелькнуло, и я резко повернул голову. В стекле появилось неподвижное, старческое лицо.

Я моргнул, и окно стало пустым. В доме напротив за стеклом мелькнула фигура, потом ещё. Они не двигались, не стучали, не махали просто стояли и смотрели. А затем исчезали.

Туман начал медленно подползать к центру площади.

И тогда я увидел её. Она стояла у памятника, будто была

там с самого начала.

Я шагнул ближе.

— Это вы?

Она посмотрела спокойно, без удивления.

— А ты думал, кто?

— Я уже вообще не понимаю — честно ответил я. Мне это всё видится? Я сплю? Я ночевал у вас или это мне при-
виделось?

— Ночевал.

— Тогда что сейчас со мной происходит?

Она пожала плечами.

— Сейчас это место пытается оставить тебя здесь. С нами.
Как и многих, кто приходил сюда до тебя, но уже после нас.
Я нервно усмехнулся.

— Я брожу тут чёрт знает сколько времени, возвращаюсь
в одно и то же место. Такое ощущение, будто я где-то головой
приложился.

Она едва заметно улыбнулась.

— Если бы ты приложился, ты бы уже не очнулся и скорее
всего, деревня забрала бы тебя.

Я подошёл ближе, чувствуя, как злость постепенно усту-
пает место тревоге.

— Объясните мне нормально, что происходит. Почему я
не могу выбраться отсюда?

Она посмотрела на дома, где в окнах снова начали появ-
ляться силуэты.

— Это место не отпускает тех, о ком забыли, — сказала она тихо. — Даже не столько место, сколько люди. Бывает так, что человек уходит, остаются дом, вещи, фотографии, а о нём больше никто не вспоминает.

Я почувствовал неприятный холод в груди.

— И дальше что?

— А дальше мы здесь и остались, — ответила она. — И хотелось бы, чтобы родные хотя бы раз приехали. Сделали всё по-человечески. Или просто вспомнили.

В одном из окон занавеска качнулась, будто за ней кто-то стоял.

— Те, кого забыли?

— Это мы, ё, кто жил здесь, в этой деревне.

— И кто вы теперь? Призраки?

Она тихо фыркнула.

— У тебя слишком богатая фантазия. Люди. И остались людьми. Ну... или тем, что от них осталось.

Я оглянулся на площадь. В окнах теперь стояли фигуры плотнее, чем раньше.

— А со мной что будет?

— Деревня еще не забрала тебя, — сказала она. — У тебя есть шанс уйти.

Я резко посмотрел в сторону тропинки, она казалась уже.

— Тогда скажите, как выбраться.

Она помолчала.

— В доме, где ты ночевал, на столе под клеёнкой лежит

старый конверт. Я его оставила, но его никто не забрал. Наверное, сын уже и не помнит, как сюда ехать. А может, просто не хочет вспоминать.

Она подняла на меня взгляд.

— Возьми его, передай. Напомни, от куда он родом и что когда-то у него была мать.

— Если я это возму конверт это место меня отпустит, для меня всё здесь закончится?

— Возможно, но тебе придётся поторопиться.

В окнах стало больше лиц.

Я обернулся — и в одном из стекол на секунду увидел своё отражение. Оно подняло руку и оскалилось.

Я руки не поднимал.

Когда я снова посмотрел на памятник, там ни кого уже не было.

Только тихий голос из тумана:

— Иди, пока у тебя есть время.

Я развернулся и пошёл к тропинке. Теперь она действительно стала уже, а заборы будто сдвинулись ближе. Под ногами чавкала грязь, воздух стал плотнее. Я вышел обратно на улицу. Дома стояли иначе. Дверь дома была приоткрыта, но я точно помнил, что закрывал её. Я вошёл внутрь. Стол стоял на месте, клеёнка лежала ровно, воздух в комнате казался плотным, тяжёлым. Я приподнял край клеёнки, под ней лежал конверт, старый, жёлтый, с надорванным углом. Я взял его и вдруг за спиной что-то скрипнуло.

Я обернулся, увидел что проем двери начал сжиматься, словно стены медленно сдвигались. Я шагнул к выходу и заметил, что на полу нет моих следов.

Сердце готово было вырваться из груди, я выскочил на улицу, туман стал плотнее, дома казались ближе. Машина стояла впереди. И я остановился. В салоне горел свет, но я его не оставлял.

На водительском сиденье кто-то сидел, фигура медленно повернула голову.

Это был я.

Моё лицо, мои черты, только взгляд спокойный, пустой.

Он смотрел прямо на меня через стекло, и его губы начали двигаться. Я не слышал слов, но понял смысл.

«Останься».

Свет погас, фигура исчезла.

Я рванул к машине, дёрнул ручку, салон был пуст.

Но водительское сиденье было отодвинуто назад.

В боковом зеркале что-то мелькнуло.

Я поднял взгляд.

В отражении за моей спиной стоял силуэт, похожий на меня, и он был ближе, чем должен.

Я резко обернулся, позади было пусто, только плотный туман.

Я сжал конверт в руке, нужно срочно уезжать.

Потому что в окнах домов лица больше не исчезали.

Они ждали.

Я сжал конверт так, что края бумаги впились в ладонь, и направился к машине, не позволяя себе снова смотреть в окна. Лица находились вплотную к стеклу, и в их неподвижности было что-то настойчивое, почти хозяйское, будто это я вторгся на их территорию и задержался дольше положенного.

Я открыл дверь, сел внутрь и закрыл её за собой, как будто эта тонкая металлическая перегородка могла что-то изменить. В салоне было тихо, но тишина ощущалась иначе, как затишье перед бурей. Я вставил ключ в замок зажигания и повернул его, чувствуя, как механизм сопротивляется движению. Личинка проворачивалась с усилием, будто её удерживали изнутри. Стартер щёлкнул, вигатель провернулся тяжело и неохотно, словно запуск происходил не здесь, а где-то глубже, сквозь слой вязкого воздуха. Со второй попытки мотор всё-таки завёлся, но звук его работы был глухим, приглушённым, как если бы капот был накрыт толстой тканью. Машина тронулась, движение далось ей с заметным трудом: педаль газа будто упиралась во что то, руль казался плотным, а пространство вокруг ощущалось сжатым. Фары выхватывали из тумана короткий участок дороги, за которым всё растворялось в сером. По краям улицы начали проступать фигуры. Сначала в окнах. Потом между заборами. Они не двигались, но их присутствие становилось ощутимым, стоило лишь отвести взгляд.

Когда я смотрел прямо, дорога казалась пустой; как только взгляд скользил в сторону, там уже кто-то стоял, почти на границе света. Я пытался вспомнить, где должен быть поворот на трассу, но дома повторялись с пугающей точностью. И вдруг я узнал дом с облупленной красной крышей и той самой лавкой с трещиной на спинке. Я столько раз ходил мимо него. Те же пятна на досках, тот же перекося забор, та же тёмная линия под крышей. Я сбросил скорость. Несколькими метрами дальше, у края дороги, стояла машина.

Такая же.

С той же вмятиной на заднем крыле, с тем же номером, который я мог бы назвать по памяти. Моё дыхание стало неглубоким и частым. Я остановился, не выключая двигатель, и посмотрел вперёд, пытаясь найти в этом хоть какое-то объяснение. Двигатель продолжал работать, но звук казался отдалённым.

Я перевёл взгляд на приборную панель.

Под магнитолой не было царапины.

Поверхность панели была ровной, без следов износа, которые я знал слишком хорошо. Я провёл пальцами по пластику, и гладкость этого прикосновения отозвалась неприятным ощущением — не новизны, а подмены.

В динамиках раздался треск.

Я не включал радио.

Экран оставался тёмным.

Шорох постепенно сложился в голос — негромкий, будто

пробивающийся сквозь помехи.

— Не спеши, останься.

Пауза. Треск усилился, будто кто-то медленно перебирал частоты.

— Оставайся с нами, здесь хорошо.

Я замер, не отрывая взгляда от панели.

— Ты ведь уже понял...

Последние слова прозвучали почти вполголоса.

Я повернул голову к окну. За стеклом стояли люди. Лица были различимы, но черты словно слегка расплывались. Они не стучали, не кричали, не просили. Просто смотрели.

Я снова посмотрел вперёд.

Вторая машина стояла неподвижно.

И в этот момент я понял то, от чего внутри стало по-настоящему холодно: я смотрю на свою машину со стороны.

А сию — в другой.

Радио снова зашипело, и сквозь помехи донеслось едва различимое:

— Остаься... тебе уже не уйти.

Я медленно выдохнул, ощущая, как вместе с воздухом из груди выходит последняя иллюзия контроля. Машина под мной работала, реагировала на педали и руль, но она была не моей. И если я продолжу движение, если приму это как должное, дорога назад перестанет существовать.

Я сидел неподвижно, ощущая под ладонями чужой руль, который казался уже чуть тоньше и легче, чем должен быть.

Двигатель продолжал работать ровно, но в этом звуке не было привычной вибрации — он звучал так, словно его воспроизвели издали, без настоящей механической жизни. Вторая машина стояла впереди в свете фар, и теперь различия стали очевидны: на её крыле виднелась знакомая вмятина.

Я заглушил мотор, и тишина наступила мгновенно, плотная и тяжёлая. Вместе с исчезновением звука словно остановилось и время — улица замерла, не меняясь и не двигаясь, будто ждала моего решения.

Я открыл дверь и вышел наружу. Воздух показался густым и влажным, как перед грозой, только без ветра и без неба. Дверь за моей спиной закрылась сама, тихо и аккуратно, без хлопка, словно это было естественным завершением движения.

Я направился к своей машине.

Расстояние между автомобилями было не большим, но шаги давались странно: с каждым метром создавалось ощущение, будто дорога под ногами слегка вязнет, не позволяя приблизиться быстрее. Пространство не искажалось открыто, однако в нём чувствовалось сопротивление.

По краям улицы начали двигаться силуэты. Раньше они стояли неподвижно, теперь же медленно перестраивались, занимая места ближе к дороге. Никто не бросался вперёд и не преграждал путь напрямую, но невидимый коридор постепенно сужался, заставляя меня идти точнее и быстрее.

В этот момент позади раздался звук.

Щелчок замка зажигания.

Я не оборачивался сразу, но звук повторился — двигатель позади меня завёлся.

Я всё же повернул голову.

Фары той машины вспыхнули и потухли, и в салоне за стеклом сидел человек. Его лицо было моим — те же черты, то же выражение, только взгляд оставался спокойным, почти равнодушным. Он смотрел прямо на меня, не двигаясь.

Я отвернулся и ускорил шаг.

До своей машины оставалось несколько метров. Я уже различал вмятину на крыле, грязь на пороге, неровность краски, всё то, что знал слишком хорошо. Это была она. Настоящая.

Я схватился за ручку, распахнул дверь и быстро сел внутрь, захлопнув её с усилием. В салоне было темно и холодно. Запах, приборная панель, мелкие изъяны — всё совпадало.

Я вставил ключ и повернул его.

Стартер щёлкнул, но двигатель не завёлся.

Снаружи слышались шаги, медленные, уверенные. Кто-то подошёл вплотную к лобовому стеклу.

Я снова повернул ключ.

Двигатель провернулся, но не схватил.

Из выключенного радио донёсся глухой шум, будто кто-то медленно проводил пальцем по решётке динамика, а затем

раздался голос тихий, почти усталый.

— Ты выбрал...

Небольшая пауза.

— Теперь ты не уйдешь от нас.

Я поднял взгляд.

Перед стеклом стояли лица — не размытые, а отчётливые, с различимыми чертами. Среди них были и те, кто не выглядел стариками: современные куртки, короткие стрижки, знакомые очертания людей, которые, скорее всего, попали сюда позже.

Я повернул ключ снова.

Двигатель дёрнулся и замолчал.

Сзади по багажнику что-то ударило, негромко, но настойчиво.

Я сжал руль и попробовал ещё раз.

Мотор наконец схватил, фары вспыхнули ярче, и в этот момент лица приблизились к стеклу так близко, что я перестал видеть дорогу за ними. Их выражения не были злобными, они были безразличны, ко всему.

Я нажал на газ.

Машина рванулась вперёд.

Позади вспыхнул свет фар второй машины.

Я не стал оборачиваться.

Перед капотом туман резко побелел, как перегруженный кадр, звук двигателя оборвался, руль стал неожиданно лёгким, а затем всё вокруг погрузилось в темноту.

И прежде чем сознание окончательно провалилось, я успел понять: это конец, я не успел...

Сознание возвращалось медленно, словно меня вытягивали из глубины, где не существовало ни света, ни звука, ни ощущения времени. Сначала появился гул в голове — тяжёлый, протяжный, похожий на работу крупного двигателя где-то вдалеке. Затем пришло ощущение собственного тела: неприятная тяжесть в груди, ломота в шее, онемение в пальцах, которыми я продолжал что-то сжимать.

Я открыл глаза и увидел перед собой лобовое стекло своей машины.

Салон был неподвижен, тих и лишён любого постороннего света. Ни мерцаний, ни отражений, ни чужого присутствия. За стеклом лежала обычная деревенская улица — серое утро, влажный асфальт, неподвижные дома. Туман исчез полностью, будто его никогда не существовало.

Я не сразу пошевелился. Сердце билось слишком быстро для спокойного утра. Я посмотрел на руки — между пальцами был зажат конверт, пожелтевший, с надорванным углом, с тем же неровным сгибом. Бумага сохранила следы моего давления. Это не было сном.

Я медленно повернул голову к окнам домов. Они были пустыми. Чёрные проёмы, мутные стёкла, облупившиеся рамы — обычная заброшенность, без наблюдающего взгляда изнутри. Ни лиц, ни силуэтов, ни движения занавесок.

Только тогда я заметил, что двигатель заглушен. Ключ

оставался в замке зажигания, но приборная панель не горела. Я не помнил, когда мотор остановился.

Я открыл дверь и вышел наружу. Воздух был прохладным и обычным — без ощущения давящего пространства. Дорога выглядела так, как и должна выглядеть заброшенная улица: мокрая, с редкими старыми следами шин и травой, пробивающейся через трещины в асфальте.

Я оглянулся на дом с красной крышей. Лавка с трещиной на спинке стояла на месте. Краска была облуплена ровно там же, где и прежде. Всё было привычным и от этого почти тревожным — потому что слишком легко всё стало обычным.

У переднего колеса машины лежала детская пластиковая машинка без одного колеса. Я подошёл и поднял её. Пластик был сухим и тёплым, будто она не пролежала всю ночь на сыром асфальте. Я положил её обратно и посмотрел в сторону перекрёстка.

Именно тогда я услышал тяжёлый рокот.

Большегруз.

На конце улицы, там, где раньше стояла плотная белая стена тумана, теперь виднелся обычный выезд на трассу. По нему медленно двигался грузовик со щебнем, следуя своим маршрутом.

Я вернулся в машину, сел за руль и повернул ключ. Двигатель завёлся с первого раза, без сопротивления. Я выехал к перекрёстку вслед за большегрузом.

Когда я подъехал ближе к выезду, мне показалось, что по

обе стороны дороги стоят люди. Я не остановился, но замедлил ход, потому что это ощущение было слишком явным, чтобы его игнорировать.

По краям обочины действительно проступали фигуры. Они не были плотными и чёткими — скорее напоминали остатки тумана, дрожащего в утреннем воздухе. Их очертания мерцали, как слабое отражение в стекле. Среди них угадывались разные силуэты.

Они не тянули ко мне руки и не пытались преградить путь. Они просто стояли, образуя узкий коридор, который вёл к трассе.

Я медленно выжал газ и проехал между ними. Машина двигалась спокойно. Когда я пересекал перекрёсток и выходил на трассу, фигуры слегка колыхнулись, будто сквозь них прошёл порыв ветра, и на секунду мне показалось, что я слышу не слова, а едва различимый шорох — движение памяти.

В зеркале заднего вида виднелась дорога к деревне. Через несколько секунд на повороте появилась легковая машина. Она сбросила скорость и свернула туда, откуда я только что выехал.

И в этот момент мерцающие фигуры снова проступили по краям дороги, выстраиваясь по обе стороны, будто провожая нового водителя. Я видел это в зеркале: коридор из тумана сомкнулся за машиной, а затем исчез, словно его никогда не было.

Большегруз впереди продолжал движение ровно и спо-

койно, и только тогда я позволил себе выдохнуть.

Через несколько дней я отправил конверт заказным письмом по указанному адресу. Я не стал откладывать это решение. Просто пришёл на почту, заполнил бланк и проследил, чтобы письмо зарегистрировали. Я не знаю, жив ли тот человек, которому оно предназначалось, и не знаю, дойдёт ли оно, но обещание было выполнено.

Прошёл примерно месяц, прежде чем в моём почтовом ящике появился небольшой конверт без обратного адреса. Бумага внутри была пожелтевшей, мятой, без отметок, а почерк на лицевой стороне выглядел неровным и корявым, будто писал человек, который давно не держал ручку в руках.

Внутри была всего одна строка:

«Спасибо. Обо мне не забыли».

Ни подписи, ни даты.

Я перечитал её несколько раз, пытаюсь понять, откуда именно она пришла и кому адресована на самом деле. С тех пор я часто думаю о дорогах и о том, сколько таких деревень исчезло с карт, но не исчезло полностью, сколько мест осталось без света и без памяти, где дома стоят, а о людях больше не вспоминают.

И каждый раз, когда я сворачиваю с трассы на незнакомый поворот, я невольно смотрю в зеркало заднего вида чуть дольше обычного.

Потому что никогда не знаешь, кто будет стоять по обе

стороны дороги.

И кому именно нужен следующий водитель.

Призрачный Человейник

Ключи звякнули в ладони коротко и сухо. Обычные — металл, пластиковый брелок с номером квартиры и логотипом застройщика, который Артём за последние полгода видел на каждом углу. Он стоял у подъезда и смотрел вверх. Дом был не просто высоким — он давил массой. Тридцать с лишним этажей, три секции, ряды одинаковых окон. Всё ровно, строго, без фантазии. Человейник. Слово грубое, но подходящее.

— Ну что, хозяин? — спросил Костя, приятель с учёбы, который пришёл «на новоселье», хотя новосельем это назвать было трудно — скорее осмотр бетонной коробки. — Всё, официально взрослый. Ипотека, тревога, бессонница.

— Да иди ты, — Артём усмехнулся и сунул ключи в карман. — Зато своё. Без «племянник приехал, съезжайте».

— Святое, — Костя оглядел двор. — Дорожки, лавочки, машин как в муравейнике. Комфорт-класс. Почти санаторий.

Артём не стал спорить. Он и правда радовался. Без восторженных жестов и пафоса — спокойно. У него появилась точка, куда можно вернуться: дверь, которая закрывается на его замок. Пространство, где никто не будет решать за него, когда гасить свет и во сколько ему приходиться домой.

Он учился на третьем курсе МЧС. Формально — курсант, по сути — студент, которому ещё набираться практики. Тео-

рии хватало: тактическая медицина, пожарная тактика, работа в задымлении, психология экстремальных ситуаций. Их гоняли жёстко. Ставили в шум, в дым, в ситуацию, где вокруг крики, а ты должен действовать по алгоритму. Но реальных выездов у него не было. Он не вытаскивал людей из огня и не сталкивался с тем, что в учебниках описывают сухими формулировками. Он это понимал и не строил из себя спасателя раньше времени.

Зато он знал, что не теряется. Когда вокруг начинается суета, у него в голове не взрывается паника, а наоборот — всё собирается в одну линию. Он не самый сильный и не самый опытный, но умеет включаться. Преподаватели это ценили; одноклассники иногда раздражались: Артём мог влезть в спор и дожать до конца, если был уверен в своей правоте. Или если просто не хотел уступать.

Квартиру он купил почти на упрямстве. Подработки, сменны, стройка, кредит. Мать, увидев цифры, сказала бы, что он сошёл с ума, поэтому цифры она не видела. Он не любил, когда над ним стоят с тревогой.

Внутри подъезда всё выглядело так, будто дом сдали вчера. Плитка без сколов, стены без потёртостей, воздух пах новой отделкой. Свет ровный, холодный, без намёка на уют. Под потолком висели камеры — маленькие, чёрные, спокойные. Они не угрожали, просто фиксировали.

Вестибюль был просторный: почтовые ящики, стойка под консьержа, стеклянная дверь в тамбур. Консьержа не было,

только автомат с кофе, который честно выдавал сладковатую жидкость и называл её «капучино».

Лифт приехал быстро. Новый, тихий, с зеркалом и хромированными поручнями. Артём поднялся, открыл дверь квартиры и остановился на пороге. Пусто. Тихо. Светлые стены, ровный пол, большие окна. Из окна — другие такие же окна. Никакой романтики, но честно: он внутри огромного дома, и теперь у него здесь есть место.

Они с Костей посидели на подоконнике, ели пищу из коробки, запивали колой. Артём рассказывал про учёбу, как один курсант снял маску в учебном дыму, потому что «неудобно», и потом кашлял так, что инструктор едва не выгнал его с занятия. Костя жаловался на начальство и шутил про ипотеку.

Первые недели прошли спокойно. Пары, подработка, сон. Он быстро запомнил, где ловит связь, какой лифт приезжает быстрее, где сквозит. Пару раз помог соседям: подкрутил дверь, проверил автомат в щитке.

— Ты кто по профессии? — спросил сосед.

— Учусь, — пожал плечами Артём. — МЧС.

— А-а, спасатель. Ну, если что, к тебе.

— Если что — звоните 112, — усмехнулся Артём. — Я пока студент.

Он привык доверять своей реакции. На учёбе их не жалели — заставляли работать под давлением, держать дыхание ровным, руки — послушными, голову — ясной. Это не де-

лало его героем, но давало ощущение, что он хотя бы не развалится при первом серьёзном ударе. Он надеялся, что проверять это в реальности ему ещё рано.

Ночь, которая всё сломала, началась обычно.

Он вернулся почти в полночь. Пары, тренировка, заехал к матери. Дома включил чайник, пролистал домовой чат и выключил. У двери стоял пакет с мусором.

— Сейчас вынесу, — сказал он себе и накинул куртку.

Он вышел в коридор, нажал кнопку лифта, вошёл в кабину, нажал «1» и прислонился к стенке, думая о завтрашней физподготовке.

Лифт спустился без рывков. Кабина мягко остановилась, двери разошлись.

Перед ним открылся вестибюль.

Он шагнул вперёд и почти сразу замедлился. Пространство было тем же — почтовые ящики, стойка, стеклянные двери на выход. Но свет казался глуше, будто его убрали на полтона.

Артём подошёл к входной группе и остановился. Стеклянные двери были перетянуты цепями. Толстые металлические звенья крест-накрест стягивали створки, в центре висел тяжёлый замок, не декоративный, а рабочий, рассчитанный на то, чтобы его не открывали.

— Это ещё что за бред... — тихо сказал он.

Он поставил пакет на пол и посмотрел через стекло. Снаружи не было ни фонарей, ни машин. Просто темнота.

Слева находилось окно консьержа.

Артём повернул голову.

За стеклом сидела фигура. Слишком крупная для обычного человека, широкая в плечах, неподвижная.

Он сделал шаг ближе к окну и постучал костяшками по стеклу.

— Здравствуйте. Слушайте, что с дверью? Её зачем так закрыли?

Фигура не ответила.

— Эй, — он наклонился ближе. — Откройте, пожалуйста. Мне просто мусор вынести.

Силуэт медленно повернул голову в его сторону.

— Вы меня слышите? — уже громче спросил Артём. — Тут цепи какие-то. Это временно или что?

Фигура за стеклом начала подниматься со стула. Медленно. Тяжело.

И только сейчас Артём понял, что человек таких размеров за этой стойкой сидеть не мог.

Фигура за стеклом поднималась медленно, без суеты, как будто спешить ей было некуда. Стул под ней не скрипнул и не качнулся — просто потерялся под массивным силуэтом. Артём стоял в шаге от окна и чувствовал, как внутри включается привычный режим оценки: расстояние — два метра, стекло — толстое, рама металлическая, дверь лифта за спиной, до неё — секунд пять.

— Слушайте, — повторил он ровным голосом, — если это

какая-то проверка, я не в курсе. Мне просто выйти надо.

Фигура приблизилась к стеклу. Свет из холла падал под углом и выхватывал детали: плотная тёмная одежда, слишком широкая грудная клетка, длинные руки, лежащие на столе. Лица по-прежнему не было видно чётко, только тень с глубокими провалами глаз.

Существо наклонило голову.

Стекло дрогнуло от медленного прикосновения. Пальцы с внутренней стороны скользнули по поверхности, оставляя мутный след.

— Вы кто? — спросил Артём. — Консьерж? Охрана?

Ответа не было.

— Ладно. Тогда откройте, пожалуйста. Я из тридцать второй. Просто мусор вынести.

Голова чуть повернулась.

— Ж... жи... лец, — протянуло из-за стекла.

Слово прозвучало так, будто его выталкивали наружу.

Артём сглотнул.

— Да. Жилец. Всё нормально.

— Рег... стра... ция...

Где-то под потолком едва слышно щёлкнуло. Камеры в углах повернулись в его сторону.

Артём шагнул назад.

— Слушайте, — сказал он уже твёрже. — Я поднимусь к себе и всё. Никакой регистрации мне не нужно.

Фигура приблизилась вплотную к стеклу. Теперь свет поз-

волял различить лицо: кожа сероватая, натянутая, глаза глубоко посажены, рот раскрывается медленно, слишком широко.

— Вне... графика.

За спиной Артёма металлически щёлкнуло. Он резко обернулся.

Двери лифта начали закрываться.

— Стой! — выдохнул он и рванул к кабине.

Он успел в последний момент. Двери сомкнулись, отсекая холл.

Он нажал кнопку своего этажа ещё раз.

Кабина не поехала.

Табло было тёмным.

Снаружи раздался глухой удар.

Потом ещё один.

Скрежет металла по металлу.

Артём сделал медленный вдох. Оценить. Не паниковать.

Он нажал аварийную кнопку.

Тишина.

Скрежет прекратился.

Прошло несколько секунд.

Табло мигнуло.

Загорелась цифра — не та, которую он нажимал.

Кабина дёрнулась и пошла вверх.

Лифт ехал ровно, без рывков и посторонних звуков, будто ничего странного не происходило. Артём стоял, упершись

ладонью в холодную стенку кабины, и смотрел на табло. Загоревшаяся цифра не совпадала ни с его этажом, ни с первым, но поначалу он даже не осознал этого — мозг упрямо цеплялся за привычную логику. Главное, что кабина двигалась. Значит, это не поломка, не обрыв троса и не технический сбой.

Он медленно выдохнул, выравнивая дыхание. Сердце билось чаще, но мысли оставались собранными. Паника подступала, однако он удерживал её так же, как на занятиях, когда инструктор намеренно создавал шум и давил голосом, проверяя, кто сорвётся первым.

Кабина мягко остановилась, двери разошлись.

Перед ним открылся коридор.

На первый взгляд — обычный подъездный этаж: светлая плитка, ровный холодный свет, одинаковые двери с металлическими номерами. Только цифры начинались со «118», «119», «120». Артём шагнул наружу и сразу понял, что помещение не соответствует тем, что были в его доме. В его секции было восемь квартир на этаже. Здесь дверей оказалось больше, а коридор продолжался дальше, чем позволяла планировка.

Он обернулся к лифту, но двери уже сомкнулись, и табло погасло. Кабина исчезла.

— Отлично, — пробормотал он себе под нос. — Просто отлично.

Он прошёл вперёд, внимательно разглядывая номера. Ме-

таллические цифры были закреплены аккуратно. Он коснулся одной из них — холодный металл, качественно и красиво выполненная работа. Никакой бутафории.

Он постучал в ближайшую дверь. Ответа не последовало. Постучал сильнее.

— Эй! Есть кто-нибудь?

Тишина.

Он дёрнул ручку — заперто. Следующая дверь — тоже. Раздражение нарастал. Его злило отсутствие хоть какого-то объяснения.

И тогда он услышал звук.

Сначала тихий, далекий, будто что-то металлическое волочили по плитке. Затем отчётливый — размеренный, с равными промежутками, неторопливый.

Артём замер и прислушался. Звук приближался.

Из-за поворота показалась фигура.

Сначала тёмный силуэт, затем очертания. Женщина — по крайней мере, так она выглядела издалека. Длинная тёмная одежда, напоминающая рабочий халат. В руке — швабра или длинная металлическая палка. Рядом катилось ведро, подпрыгивая на стыках плитки.

— Эй! — крикнул он, делая шаг навстречу. — Извините! А как выйти отсюда?!

Фигура не остановилась и не изменила темпа. Она двигалась строго по прямой.

— Вы меня слышите? — он подошёл ближе.

Швабра скользила по сухой плитке, не оставляя следов. Ведро катилось, в нем ни чего не плескалось, буд-то оно было без воды.

Фигура подняла голову.

Лицо казалось человеческим, но вблизи становилось ясно, что-то не так. Слишком гладкая кожа, неподвижные, впалые глаза, лишённые выражения. Тело было не пропорциональным, руки длинные, как у обезьяны, ноги короткие, но ступни огромные, горб на спине. Лицо существа не выражало ни чего — ни удивления, ни раздражения, только слюна стекала по каскаду из подбородков.

Она не ответила, лишь едва заметно изменила траекторию движения, и Артём понял, что теперь её маршрут проходит через него.

Он, дернулся, отступил на шаг назад, потом еще на шаг.

Скрежет стал ближе.

— Да что за... — он резко развернулся к двери и ударил по ней кулаком. — Откройте! Быстро!

Ручка под его ладонью дёрнулась, и дверь распахнулась внутрь. Чьи-то руки схватили его за рукав и втянули в помещение. В ту же секунду металлический наконечник швабры глухо ударил по плитке ровно там, где он стоял мгновение назад, с такой силой буд-то кузнец ударил молотом по наковальне.

Дверь захлопнулась.

Снаружи скрежет продолжился, постепенно удаляясь.

— Ты с ума сошёл? — тихо, но жёстко сказал мелодичный, женский голос. — Ты чего орёшь в коридоре?

Артём повернулся.

Перед ним стояла симпатичная, молодая девушка в тёмном платье с высоким воротом. Плотная ткань аккуратного кроя, никаких молний, капюшонов или современных деталей. Волосы убраны строго. Она держалась прямо и смотрела на него спокойно, но в её взгляде читалось напряжение.

В комнате находились ещё двое: парень в худи, резкий и настороженный, и девушка в джинсах — спокойнее, но не менее внимательная.

— Что это было? — спросил Артём, кивнув в сторону двери.

— Судя по всему, уборщица, — тихо ответил парень. — У неё график. Она проходит по этажу три раза в день.

— Утром, днём и ночью, — добавила девушка в джинсах. — Всегда в одно и то же время, на любом этаже.

Девушка в платье продолжала внимательно смотреть на Артёма.

— Ты кто такой?

— Я... Меня зовут Артем, я просто пошел вынести мусор и спустился... На лифте.

— Лифт? — переспросила она.

— Коробка с кнопками, — пояснил парень. — Едет вверх и вниз.

Она медленно кивнула.

— Понимаю. А Скажи, какой сейчас год?

Артем, пару секунд смотрел на нее с удивление, но потом медленно ответил.

— Две тысячи двадцать шестой.

Она едва заметно усмехнулась.

— Я уже думала, что эти двое надо мной издеваются.

— Мы решили, что она актриса, — сказала девушка в джинсах. — Думали, тут какое-то представление.

— Мы из две тысячи двадцать второго, — добавил парень.

— Тысяча восемьсот тридцатый, — спокойно произнесла девушка в платье. — Меня зовут София. Это Алёна и Егор.

Артём посмотрел на каждого по очереди.

— Вы серьёзно?

— Более чем, — ответил Егор. — Мы здесь два дня. Если бы не встретили её, давно бы наравались.

— Я здесь две недели, — добавила София. — Эти двое — первые люди, которых я встретила. Кроме монстров.

— Монстров? — переспросил Артём.

— Того, кто сидит внизу за стеклом, ты видел? — сказала она. — И ту, что ходит по коридору?

Егор коротко усмехнулся.

— Это и есть монстры.

Артём тяжело выдохнул.

— Мы все спустились около одиннадцати?

— Да, — кивнула Алёна. — У нас в доме, отключили свет, мы спустились по лестнице. Внизу — вестибюль, цепи, замок

и этот вахтёр.

— Я тоже спускалась вечером, — сказала София. — Услышала, как хлопнула калитка во дворе, пошла сказать прислуге, что бы сходили закрыли, пошла по лестнице вниз. А там, за дверью, уже было это место.

— И что это за место? — тихо спросил Артём.

— Мы сами толком не знаем, — ответил Егор. — Но кое-что ясно. В коридорах долго находиться нельзя — приходит уборщица. В квартире тоже нельзя оставаться бесконечно.

— Через пару часов появляется голос, — добавила Алёна. — Будто объявление.

— Он говорит о посторонних, — уточнил Егор. — Мы слышали это и решили не проверять, что будет дальше.

— Я так и перемещаюсь, — сказала София. — Перехожу из квартиры в квартиру. Здесь везде есть еда, разные вещи, какие-то мне знакомы, какие-то нет, но помещения всегда разные. Сначала было похоже на мой дом, потом всё изменилось.

Артём оглядел комнату. Интерьер был интересным, старая мебель, высокие потолки, выцветшие обои — совсем не похоже на его новостройку.

В этот момент раздался звук.

Голос.

Он звучал будто из стен, без определённого источника. Речь была отчётливой, но незнакомой. Артём вслушивался и понимал только интонацию — предупреждающую, офици-

альную.

— Вы понимаете, что он говорит? — спросил он.

— Да, — тихо ответила Алёна. — Он объявляет о посторонних в квартире.

— Это через динамики, — добавил Егор.

— Через что? — переспросила София.

— Через рупор. Неважно.

Голос повторился.

Артём стоял и слушал, не понимая ни одного слова, но чувствуя, что речь идёт о них.

И что времени у них действительно мало.

Голос повторился, уже более настойчиво. Интонация изменилась — стала жёстче, требовательнее. Артём всё так же не понимал ни одного слова. Он вслушивался, пытаясь уловить хотя бы знакомые корни, но язык был чужой — не английский, не французский, не что-то, что он мог бы вспомнить из школы. Только интонация. И она ясно давала понять: речь идёт о нарушении.

— Слушайте... — медленно начал он, переводя взгляд с одного на другого. — А кто-нибудь вообще пробовал остаться в квартире? Просто дождаться, что будет, если не выходить?

Егор усмехнулся, но в усмешке было больше нервов, чем иронии.

— Неа и желания не возникало.

Алёна покачала головой.

— Когда голос повторяется второй раз, внутри становится... нехорошо. Не знаю, как объяснить. Холодно, тревожно и страшно, появляется очень сильное желание выйти, спрятаться, да что угодно лишь бы по дальше от сюда быть.

София чуть кивнула.

— Я наблюдала за этим. Сначала звучит объявление. Потом — пауза. Потом снова. И дальше уже слышно, что кто-то идёт. Я не проверяла, что будет, если остаться. Мне не настолько любопытно.

Артём нахмурился.

— А если это просто запугивание? Ну, условный «пугатель», чтобы мы сами бегали? Может, дальше ничего и не происходит.

— Проверь, — спокойно сказал Егор.

В комнате повисла пауза. Голос снова прозвучал — на этот раз громче, будто стены усиливали звук.

Артём выдохнул и кивнул.

— Нет. Ладно. Не проверяем. Я не герой-экспериментатор.

Он провёл рукой по лицу, собираясь.

— Переходим. Если уборщица прошла недавно, значит, у нас есть окно.

София подошла к двери и прислушалась.

— Я за ней наблюдала. Здесь нет ни дня, ни ночи, но порядок есть. Она появляется через равные промежутки. Для меня это единственный ориентир. Если она была недавно —

у нас есть время.

— Мы тоже так решили, — добавил Егор. — Просто тут всё измеряется не часами, а событиями.

Артём кивнул. Это звучало разумно.

София открыла дверь.

Коридор был пуст.

Они вышли.

Голос за стенами повторился ещё раз, но уже глуше, из за прикрытой двери.

— В соседнюю? — предложила Алёна.

Артём дёрнул ближайшую ручку.

Закрывается.

Следующая — тоже.

Он попробовал третью. Безрезультатно.

— Подождите... — пробормотал Егор. — Когда мы сюда заходили, она была открыта. Мы не ломали.

— Значит, квартиры не всегда доступны и попасть в них можно в определенное время — тихо сказал Артём. — или при определенных условиях, как найдем место где отдохнуть сможем, нужно будет устроить мозговой штурм.

Они пошли дальше.

Коридор плавно изгибался, поворачивал, расширялся. Номера менялись. Где-то металлические цифры, как в новостройке. Где-то пластиковые, пожелтевшие, будто из девяностых. На одной из дверей висела старая табличка с фамилией «Ивановы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.